

КРИТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ
НОРМАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И. А. ИЛЬИНА

Е. Н. Гудилина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Москва)

Поступила в редакцию 31 мая 2019 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению философско-правовой концепции правосознания, сформулированной И. А. Ильиным в работе «О сущности правосознания». Реконструируется модель нормального правосознания, в рамках которой у Ильина сосуществуют и взаимодействуют человеческий дух и воля к духу, положительное и естественное право, аксиомы власти и правосознания. Человеческий дух-цель, опосредующий любое человеческое взаимодействие, соотносится с аксиомами – законами собственного достоинства, автономии и взаимного признания. Анализируются возможные дефекты модели, связанные с искажением, в первую очередь аксиом правосознания. Реконструкция модели нацелена на критическое восприятие концепции правосознания И. А. Ильина и на актуализацию его идей для повышения уровня правосознания.

Ключевые слова: И. А. Ильин, нормальное правосознание, аксиомы правосознания, недуги правосознания.

Abstract: the article is devoted to the consideration of the legal awareness concept formulated by I. A. Ilyin in his work «On the Essence of Legal Awareness». The model of normal legal awareness is reconstructed, within the framework of which the human spirit and the will to spirit, positive and natural law, the axioms of power and legal awareness coexist. The human spirit, which mediates all human interactions, is related to the axioms of self-worth, autonomy and mutual recognition. Possible defects of the model associated with the distortion of the legal awareness axioms are analyzed. Reconstruction of the model is aimed at critical perception of the legal awareness model formulated by I. A. Ilyin and the actualization of his ideas to improve the level of legal awareness.

Key words: I. A. Ilyin, normal legal awareness, the axioms of legal awareness, disability of legal awareness.

Концепция правосознания на современном этапе развития теоретической и практической юриспруденции акцентируется, в первую очередь, на выявлении структуры правосознания. Устоявшейся точкой зрения на структуру правосознания стало выделение таких компонентов, как правовая идеология и правовая психология. Такая структура была предложена И. Е. Фарбером в исследовании 1963 г. «Правосознание как форма общественного сознания»¹. Позднее к правовой идеологии и правовой психологии добавился поведенческий компонент². Возможно использо-

¹ См. подробнее: Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

² См.: Морозова Г. В. Теория государства и права : учебник. М., 2013. С. 432.

вание синонимичных понятий, не меняющих предполагаемую структуру правосознания (например, правосознание как совокупность мотивационного, когнитивного и деятельностного компонентов³ или как сочетание когнитивного, оценочного и установочно-поведенческого аспектов⁴). Попытки выстраивания дополнительных синонимичных рядов отражают предполагаемую структуру правосознания, но, по существу, основываются на трехчленной структуре правосознания (правовая идеология, правовая психология и поведенческий компонент). Следовательно, для приращения научного знания о правосознании необходимо ставить исследовательские вопросы не столько о структуре правосознания, сколько о его природе, об особенностях отражения в сознании человека или общества политико-правовой действительности. Для примера перспектив такого смещения акцентов обратимся к исследованию И. А. Ильина о сущности правосознания⁵, которое продолжило лучшие традиции русских дореволюционных юристов. Работа над учением о правосознании⁶ была начата И. А. Ильиным в 1916 г. и завершилась в 1956 г. опубликованием исследования уже после смерти мыслителя⁷.

Поднимая проблему нормального правосознания⁸, И. А. Ильин подчеркивает, что для устранения недугов правосознания необходимо первоначально достигнуть верного понимания государства и права как здорового организма. Он считает необходимым очертить характеристики, которые не только отражают природу права, но и оказывают существенное влияние на формирование здорового правосознания: регулирование правом исключительно внешних деяний; абстрактность права; объективное значение права как явления духовной правоты; гетерономный порядок властвования, проявляющийся одновременно и в ограничении автономии человека как субъекта права, и в необходимости сохранения и содействия такой автономии; право как явление духовной солидарности, отражающей связь между людьми; право как инструмент установления всемирного естественного братства людей⁹.

В. С. Соловьев, как и И. А. Ильин, считает необходимым условием для разрешения той или иной политико-правовой проблемы (у В. С. Соловье-

³ См.: *Осипов Р. А.* Правовая информированность и правосознание граждан : вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 8.

⁴ См.: *Ивлева Н. Ю.* Типология правосознания в контексте концепции формы государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 12.

⁵ См.: *Ильин И. А.* О сущности правосознания // Собр. соч. : в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 151–414.

⁶ Другое название работы И. А. Ильина «О сущности правосознания» – «Учение о правосознании».

⁷ См. подробнее об истории работы И. А. Ильина над темой правосознания: *Томсинов В. А.* Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин : русский идеолог эпохи революций. М., 2012. С. 72–73.

⁸ И. А. Ильин, характеризуя нормальное правосознание, использует также следующие прилагательные: здоровое, верное, истинное. Нормальное правосознание есть баланс между естественным и положительным правосознанием.

⁹ См. подробнее: *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 407–412.

ва – это обоснование связи между нравственностью и правом, поиск того минимума нравственности, который должен быть закреплен в праве; у И. А. Ильина – это формирование нормального правосознания) достижение первоначально ясного понимания права. Выявленные И. А. Ильиным характеристики здорового права перекликаются с признаками права в его соотношении с нравственностью, которые были предложены В. С. Соловьевым¹⁰. Такое созвучие в понимании права между мыслителями может объясняться, в том числе, наличием религиозной составляющей в их подходах к правопониманию. При этом и В. С. Соловьев, и И. А. Ильин отмечают, что религиозная окраска права до определенного времени не проявляется явно, но имплицитно постоянно присутствует в праве¹¹.

И. А. Ильин предлагает рассматривать нормальное правосознание как «особый способ жизни, которым живет душа, предметно и верно переживающая право в его основной идее и в его единичных видоизменениях (институтах)»¹². То есть модель правосознания И. А. Ильина предполагает «переживание» права как положительного, так и естественного. Подчеркивая необходимость гармоничного сосуществования положительного и естественного права, ученый поднимает вопрос о предметности права, характеризующей право как «объективное данное содержание, имеющее свой законченный и определенный смысл»¹³. Если право может быть рассмотрено как предмет, то и его «переживание» должно быть не только эмоциональным, но и рациональным: «...изучение, как и всякое движение к истине, требует того добросовестного и беспристрастного “теоретического” подхода»¹⁴. Цель такого изучения – выявление нормального правосознания, в котором переплетаются и правильно соподчиняются естественное правосознание естественного права и положительное правосознание положительного права.

Для осознанного и добровольного признания права, по И. А. Ильину, необходимо обосновать и естественное, и положительное право. Обоснование как доказательство практической необходимости права «на пути человека к осуществлению верховного блага»¹⁵ должно учитывать раз-

¹⁰ «...право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла» (Соловьев В. *Оправдание добра*. М., 2012. С. 525). Данное определение права В. С. Соловьев выводит из последовательного сравнения права и нравственности, выявляя ряд отличительных признаков права (право как низший предел или определенный минимум нравственности, право как требование реализации минимум нравственности и право как принуждение), которые затем сводятся воедино в указанном выше определении.

¹¹ «...нормальное правосознание в своем зрелом осуществлении неизбежно приобретает религиозный характер, хотя этот характер может быть осознан человеком в большей и меньшей степени» (Ильин И. А. *Указ. соч.* С. 389).

¹² Там же. С. 158.

¹³ Там же. С. 162.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 188.

личия, существующие между правом естественным и положительным (например, такие отличительные черты положительного права, как «гетерономная установленность, приблизительность содержания и возможность угрожающей санкции»¹⁶). Но положительное право должно не терять из виду свою задачу и «принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения»¹⁷. Такое осмысление связи между естественным и положительным правом имеет длительную традицию: «отказаться от естественного права – все равно что утверждать, что всякое право есть позитивное право, а это значит, что то, что есть право, определяется исключительно законодателями и судами разных стран»¹⁸. Естественное право, таким образом, рассматривается как необходимый эталон справедливости, позволяющий оценить положительное право, которое «по своему существу остается всегда “видоизменением” естественного права»¹⁹.

И. А. Ильин не отрицает и даже особо подчеркивает, что обоснованию и принятию положительного права препятствуют его «глубокие дефекты и пороки»²⁰. Но он выступает против видения сущности права в том, что «одни люди навязывают другим свою волю»²¹, и настаивает на необходимости видения разницы между сущностью права и историческим осуществлением права. Такое осмысление права, в рамках которого выделяется форма и содержание, с одной стороны, помогает И. А. Ильину снять противоречие между стремлением к признанию положительного права (положительному правосознанию) и сложностью/трудностью его признания из-за дефективности положительного права. Дефективность положительного права – это всего лишь искажение в форме, а не в содержании, поэтому признание сущности положительного права как объективно значащего правила внешнего социального поведения возможно даже при фиксации неприемлемости формы.

Вместе с тем остается открытым вопрос о том, как избежать использования содержания и исторической формы положительного права в качестве логической ловушки, так как любое «дурное содержание и неприемлемую форму установления»²² можно оправдывать той или иной

¹⁶ Ильин И. А. Указ. соч. С. 200.

¹⁷ Там же. С. 201–202.

¹⁸ Штраус Л. Естественное право и история. М., 2007. С. 8.

¹⁹ Ильин И. А. Указ. соч. С. 204.

²⁰ Там же. С. 189.

²¹ Там же. Сравним позицию Ильина с материалистическим правопониманием, в рамках которого именно в возведенной в закон воле господствующего класса (т. е. в рассмотрении права как классового явления) виделась сущность права и, соответственно, особенности правосознания как еще одной надстройки над экономическим базисом. Диаметральная противоположность взглядов И. Ильина и К. Маркса на сущность правосознания может быть объяснена, прежде всего, общепhilosophической установкой на идеализм (или, как минимум, на идеал-реализм) И. Ильина и на материализм К. Маркса.

²² Ильин И. А. Указ. соч. С. 189.

степенью приближения к сущности²³. Но в такой ситуации положительное правосознание будет постоянно сталкиваться с видимым противоречием между предполагаемым содержанием и наблюдаемой формой положительного права, что не только не способно сформировать здоровое правосознание, но и будет его постоянно искажать и превращать в «дугующее»²⁴.

Основой размышлений как о политико-правовых проблемах в целом, так и о правосознании в частности становится для Ильина человеческий дух. По И. А. Ильину, именно способствование достойному и творческому развитию человеческого духа должно быть целью политики, целью государства, целью права. То есть политика, государство и право становятся средством по отношению к духу-цели. Такая постановка проблемы, касающаяся соотнесения цели и средства/средств, характерна для представителей возрождения естественного права, соглашающихся с категорическим императивом И. Канта и предпринимающих попытки развить эту концепцию немецкого мыслителя²⁵.

И. А. Ильин подчеркивает, что видение духа как цели налагает на средства существенные ограничения, так как «нелепо прибегать к средству, убивающему цель»²⁶. Но средства должны не убивать, а содействовать развитию и совершенствованию человеческого духа. То есть средства и цели становятся взаимозависимыми. И. А. Ильин отрицает возможность их параллельного сосуществования, определяя его как «глубокое жизненное противоречие», поскольку средство «не только отрывается от своей цели, но пресекает источник своей собственной жизни и тем предаёт себя вырождению и гибели»²⁷.

Аксиомы правосознания становятся для И. А. Ильина не только основными истинами, но и способами «бытия, мотивирования и действия»²⁸ как человеческого духа, так и права и могут быть обозначены как «закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания»²⁹. Позиция ученого, выделяющего именно три аксиомы, которые

²³ Сравним такой подход с видением естественного права как «права с изменяющимся содержанием» Р. Штаммлера, неокантианца марбургского направления, который, признавая относительность положительного права, пытался выявить в нем трансцендентальные (априорные) основания как права должного (концепция «правильного права») (см. подробнее: *Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения*. М., 1908).

²⁴ И. А. Ильин часто использует прилагательное «дугующее» (больное), описывая с его помощью не только правосознание, но и право в целом, а также государство.

²⁵ В работах дореволюционных юристов правосознание рассматривалось в связке с концепцией общественного идеала, в котором видели априорное должностное требование (см. подробнее: *Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания*. М., 1909).

²⁶ *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 309.

²⁷ Там же. С. 309.

²⁸ Там же. С. 309–310.

²⁹ Там же. С. 310.

определяют нормальное правосознание, соотносится также с трехчленным видением права как математики свободы у В. С. Нерсесянца (право как формальное равенство, как всеобщая и необходимая форма свободы и как всеобщая справедливость³⁰). Правосознание как способ бытия права преломляет в своем существовании каждый из признаков права: закон духовного достоинства покоится на всеобщей справедливости, закон автономии – на всеобщей и необходимой форме свободы, а закон взаимного признания – формальном равенстве. Сочетаемость концепций права у В. С. Нерсесянца и правосознания у И. А. Ильина подчеркивает не только факт, что «правосознание ... сопутствует праву ... жизненно необходимо для права, составляя действительную жизнь права»³¹, но и верное направление научных поисков в политико-правовой сфере.

Особенность позиции Ильина относительно выявленных аксиом заключается в постулировании врожденности этих аксиом в человеческом духе: они могут проявляться сильнее или слабее в зависимости от конкретных политико-правовых обстоятельств, но полностью исчезнуть они не могут. Универсальный характер аксиом объясняется их субстанциональной принадлежностью человеческому духу, развитие которого И. А. Ильин маркирует как «волю к духу»³². Интенциональный характер каждой из аксиом способствует осознанию «верховой, объективной ценности»³³ человеческого духа.

Закон духовного достоинства приобретает в глазах И. А. Ильина основополагающее значение, хотя и не представляется целесообразным говорить об иерархии между аксиомами в его учении о правосознании. Эта аксиома, как и другие, необходима для совершенствования правосознания, но только сосуществование аксиом становится не только необходимым, но и достаточным условием для развития человеческого духа. И. А. Ильин, описывая роль чувства собственного достоинства, отмечает причинно-следственную связь между достоинством и борьбой за право, политическим самоуправлением, национальной независимостью. Без духовного достоинства человек становится «политически недееспособен»³⁴, а народ – «обречен на тяжкие исторические унижения»³⁵.

С одной стороны, чувство собственного достоинства уже присуще человеческому духу; а с другой – чтобы его осознать, человеку необходим жиз-

³⁰ См.: *Нерсесянц В. С.* Философия права. М., 1998. С. 17–22 ; Его же. Право – математика свободы. М., 1996. С. 154.

³¹ *Томсинов В. А.* Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин : русский идеолог эпохи революций. М., 2012. С. 74.

³² *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 310. Отметим, что фиксирование «воли к» становится общим местом ряда философских построений: воля к жизни А. Шопенгауэра, воля к власти Ф. Ницше и т. п. Выбор цели (т. е. того, к чему именно стремится человеческая воля) зависит от выстраиваемой тем или иным философом онтологии и/или гносеологии.

³³ Там же. С. 309.

³⁴ Там же. С. 311.

³⁵ Там же.

ненный опыт и преодоление препятствий. Важно «пережить реальную встречу с жизненным заданием и в этой встрече принять и выдержать бремя труда и ответственности»³⁶. Только в этом случае человек сможет осознать собственное достоинство, прочувствовать его. Только борьба³⁷, в которой надо устоять, позволит человеку ощутить себя «носителем некой “миссии”»³⁸. То есть И. А. Ильин подчеркивает связь личного опыта и осознания собственного достоинства. Невозможно пассивное принятие достоинства, так как оно способно проявиться только в активном взаимодействии с окружающим миром и социумом. Духовное достоинство требует от человека постоянного обретения и утверждения. Такое «духовное самоутверждение»³⁹ может переживаться как сознательно, так и бессознательно, отличаясь по силе и глубине у каждого конкретного человека. Но это не меняет роли собственного достоинства как необходимой аксиомы правосознания.

И. А. Ильин видит в чувстве собственного достоинства отражение баланса между духовным признанием и инстинктом самосохранения. Не отрицая и, тем более, не нивелируя инстинкт самосохранения, И. А. Ильин пытается найти принцип, согласно которому этот инстинкт не будет нарушать сосуществование людей. Именно примирение становится таким принципом, но осмысление инстинкта самосохранения в рамках признания объективной ценности человеческого духа, естественно, требует от человека усилий. Достичь примирения между инстинктом самосохранения и духовным признанием невозможно «вне духовного обуздания и ... оправдания этого инстинкта»⁴⁰.

Утверждение, что существует взаимосвязь между правосознанием и чувством собственного достоинства и что «здоровое правосознание покоится всецело на чувстве собственного духовного достоинства»⁴¹, И. А. Ильин объясняет невозможностью уважать право (и не только право, а вообще что-либо, существующее за пределами человека), если человеку чувство самоуважения не знакомо. То есть самоуважение, оценивание себя как человека, обладающего достоинством, становится первым шагом к совершенствованию правосознания.

От анализа собственного достоинства у человека ученый переходит к особенностям формирования национального самоуважения и чувства

³⁶ Ильин И. А. Указ. соч. С. 311.

³⁷ Видение борьбы как определяющего фактора развития человека и общества присуще многим мыслителям. Например, борьба за право становится этико-практической деятельностью человека, осознавшего ценность права и готового отстаивать юридически значимые интересы: «Цель права есть мир, а средство – борьба. Пока право будет подвергаться нападению со стороны неправа – а это будет продолжаться вечно, до тех пор оно навсегда связано с борьбой. Жизнь права есть борьба» (см. подробнее: *Иеринг Р.* Борьба за право. СПб., 1985. С. 13).

³⁸ Ильин И. А. Указ. соч. С. 311.

³⁹ Там же. С. 312.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 314.

собственного достоинства государственной власти, особенно подчеркивая необходимость этого чувства в армии. И. А. Ильин не видит существенных различий в осмыслении собственного достоинства человеком или нацией, или государством, так как во всех случаях, независимо от степени абстракции и мнимого отдаления от человека, носителем духа будет именно человек, способный реализовать волю к духу. Главным для формирования национального самоуважения и чувства собственного достоинства государственной власти становится долгосрочность перспективы, которая «должна принять форму зрелой и прочной традиции»⁴².

Но собственное достоинство, как другие аксиомы, выявленные И. А. Ильиным, подвержено недугам, искажениям, которые способны не только свести на нет само чувство собственного достоинства, но и негативно повлиять на правосознание в целом. Одним из таких недугов ученый называет «болезненное сомнение»⁴³, которое подменяет чувство собственного достоинства и является не чем иным, как его суррогатом. Искоренение такого суррогата требует, по И. А. Ильину, повторного и осмысленного обращения к опыту, к пониманию опыта как лично-самостоятельного и ценностно-предметного переживания. Если в случае с болезненным сомнением человек хоть и не объективно, но предпринимает попытки оценивания себя, саморефлексии, то в случае тотального отсутствия самоуважения процесс преодоления недуга становится еще более сложным, так как «человек постепенно приобретает душевный уклад раба, привыкшего не уважать себя»⁴⁴. И. А. Ильин связывает «духовную слепоту»⁴⁵, характерную для человека, не испытывающего чувство собственного достоинства, с зарождением и укреплением тоталитарных режимов. Тоталитарный режим становится логичным итогом отсутствия у человека собственного достоинства: не уважая себя, человек и не ожидает уважения со стороны государства, соглашаясь на власть, «которая тешит себя своею деспотическою неограниченностью и вырождает государственность в пустую форму покорности и порядка»⁴⁶.

Позиция И. А. Ильина относительно причинно-следственной связи между уровнем собственного достоинства и тоталитарным режимом может оцениваться двояко: либо такое видение причин тоталитаризма

⁴² Ильин И. А. Указ. соч. С. 321. Отметим, что, кроме нормального правосознания, в других своих работах (см., например: Ильин И. А. Почему сокрушился в России монархический строй? // Собр. соч. : в 10 т. Т. 2, кн. 2 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1993) И. А. Ильин, уже используя критерий «традиция», выделяет такие виды правосознания, как монархическое и республиканское. Их отличие заключается в следовании традиции при монархическом правосознании и в нацеленности на «новое», на преодолении традиции при монархическом правосознании (см. подробнее о сравнении монархического и республиканского правосознания: Томсинов В. А. Тема русского правосознания в творчестве Ивана Александровича Ильина // Правоведение. 2010. № 6. С. 210–211).

⁴³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 324.

⁴⁴ Там же. С. 326.

⁴⁵ Там же. С. 328.

⁴⁶ Там же. С. 330.

можно рассматривать как редукционизм (так как кроме уровня собственного достоинства существует еще достаточное количество факторов, наличие которых свидетельствует о зарождении, формировании и укреплении тоталитаризма)⁴⁷, либо как высочайший уровень абстракции, с точки зрения которого именно собственное достоинство становится основой, наличие или отсутствие которой и оказывает влияние не только на тоталитаризм в целом, но и на конкретные его причины и проявления.

Вторая аксиома правосознания – автономия. От осознания чувства собственного достоинства И. А. Ильин закономерно приходит к анализу автономии: тот же жизненный опыт, необходимый для проявления собственного достоинства, напрямую связан с личной свободой, с наличием альтернатив и возможностью делать выбор. Определяющим условием для автономии становится сочетание внешнего и внутреннего, поскольку человек «должен иметь возможность определять себя вовне так, как определяет он себя внутренне»⁴⁸. Отсутствие гарантий внешнего проявления внутреннего понимания свободы извращает границы автономии, искажает ее смысл. Автономия – гармоничное сочетание внутренних убеждений и их внешне выраженных проявлений. Но такая взаимообусловленность предъявляет высочайшие критерии к духовной зрелости человека, так как автономия «может оказаться опаснейшим ядом, губительным для индивидуума и для народа»⁴⁹.

Свобода как внутренняя, проявляющаяся в убеждениях, мнениях и т. п., так и внешняя, отражающая свободу внутреннюю, не только соотносится с духовной зрелостью человека, но и должна восприниматься и как благо, и как бремя. И. А. Ильин использует слово «бремя» не для того, чтобы негативно оценить свободу, внешнюю или внутреннюю, а для того, чтобы подчеркнуть ответственность, которая непременно следует за свободой. Свободным может быть только тот человек, который готов к последствиям своей автономии. Как и в случае с собственным достоинством, ученый не приукрашивает путь, ведущий к автономии: автономию «можно приобрести только самому – в самостоятельном напряженном борении за духовную автономию»⁵⁰. Автономия становится наградой за волю к духу, проявленную в преодолении сковывающих свободу ограничений. Самоосвобождение как достижение, прежде всего, внутренней автономии первоначально к автономии внешней.

Переходя от более абстрактных размышлений к более конкретным, И. А. Ильин предостерегает от преждевременного распространения внешней свободы на тех, кто не «самоосвободился», приводя в пример раба. Такой раб «может быть поистине освобожден не внешне, но внутренне,

⁴⁷ Среди факторов, опосредующих генезис тоталитаризма, можно назвать, например, антисемитизм и империализм (см. подробнее об истоках тоталитаризма: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 35–45, 361–389*).

⁴⁸ *Ильин И. А. Указ. соч. С. 338.*

⁴⁹ Там же. С. 339.

⁵⁰ Там же. С. 340.

и только внутренне»⁵¹. Рассуждения мыслителя о рабе, с одной стороны, согласуются с важностью и первостепенностью именно внутренней автономии, которая определяет и внешнюю. Но, с другой стороны, необходимо учитывать и взаимные связи между внешней и внутренней свободой. Если внутренняя свобода обуславливает внешнюю (на чем и акцентирует внимание И. А. Ильин), то и внешняя свобода не может не влиять на внутреннюю. Автономия как сложная система, элементы которой находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, не должна обуславливаться исключительно внутренней свободой. То есть определенный уровень внешней свободы позволит человеку осознать свою автономию и прийти к самоосвобождению. Именно поэтому мнение И. А. Ильина, что «преждевременно захваченная или несвоевременно дарованная свобода может оказаться напрасным и губительным даром»⁵², вызывает закономерные сомнения. Ильин сам подчеркивает присущее человеческому духу стремление к свободе. Если речь идет именно о свободе, а не о случаях выхода за пределы свободы, которые представляют собой неправомерное своеволие, то такая свобода не может быть преждевременно захваченной или несвоевременно дарованной. Такая свобода и есть проявление человеческого духа, а следовательно, ограничение такой свободы автоматически ведет к ограничению человеческого духа: «неправо (и несвобода) – всегда произвол», «бесправная свобода – это произвол, тирания, насилие»⁵³.

Недуги автономии, как и недуги чувства собственного достоинства, проистекают из искажения самой аксиомы правосознания. Дефекты автономии делают человека не способным «ни к самообладанию, ни к самостоятельности, ни к самоуправлению»⁵⁴. Реализация права в таком случае, особенно его соблюдение и исполнение, целиком и полностью основывается на давлении государственной воли. Ценность такого правосознания сомнительна и требует преодоления недуга автономии, так как подобный дефект автономии человека становится обоюдоострым орудием и приводит к дефекту автономии и самого государства, вынужденного постоянно применять угрозу насилия или насилие для поддержания правопорядка. «Насилие не воспитывает душу к автономии, но запугивает ее и насыщает ее злобой и ненавистью»⁵⁵ и способно сформировать только больное правосознание пассивного и безмолвного человека.

Взаимное признание людей, их уважение и доверие друг к другу рассматривается И. А. Ильиным в качестве третьей аксиомы правосознания. Человек, несмотря на необходимую ему автономию, не существует изолированно от других людей, также обладающих автономией. «Отноше-

⁵¹ Ильин И. А. Указ. соч. С. 339.

⁵² Там же. С. 340.

⁵³ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 25. О «многоликости произвола», пытающегося находить свое обоснование в так называемой «свободе» («свободе», подменяющей истинную свободу) см. подробнее: Там же. С. 22–28.

⁵⁴ Ильин И. А. Указ. соч. С. 349.

⁵⁵ Там же. С. 350.

ние духа к духу»⁵⁶, или взаимное духовное признание, определяет любое взаимодействие между людьми, в том числе и правовое. Принимая правоотношение как духовное отношение в смысле отношения духа к духу, человек преодолевает рассмотрение другой стороны правоотношений (т. е. другого человека) в качестве объекта и видит в нем исключительно субъект. Такое субъект-субъектное взаимодействие людей не стремится полностью преодолеть «субъективный характер “приятности”»⁵⁷, поскольку человек нередко вынужден вступать в правовые отношения с людьми, преодолевая субъективное (положительное или отрицательное) к ним отношение. Субъект-субъектные отношения, прежде всего, нацелены на признание у другого и чувства собственного достоинства, и автономии. В целом же признание в качестве аксиомы правосознания можно понимать как систему, состоящую как из признания права, так и из самопризнания и признания другого. Отсутствие и/или искажение любого из видов признания приводит к дефектам не только аксиомы признания, но и правосознания.

Основной недуг взаимного признания связан с переводением контрагента правоотношений (будь то человек или группа лиц, или государство и т. п.) из субъекта в объект. То есть субъект-субъектные отношения сознательно или бессознательно переводятся в субъект-объектные отношения, когда другая сторона правоотношений становится лишь средством достижения той или иной цели. Подмена взаимного признания на «победу во что бы то ни стало»⁵⁸ на одностороннее непризнание имеет и более болезненную форму: взаимное непризнание. Взаимное непризнание в отношениях человек–государство описывается И. А. Ильиным как политическая трагедия «неуважаемого гражданина и презираемой власти»⁵⁹. Трагедия заключается в том, что за возможно даже достигаемыми сиюминутными целями стоит тотальное разрушение и человеческого духа, и духа государства: государство разрушается от непризнания человеком, дух человека искажается непризнанием его со стороны государства.

Итак, требуется дальнейшее уточнение концепции правосознания, особенно при рассмотрении правосознания как системы, состоящей из определенным образом функционирующих элементов. Акцентирование внимания исключительно на выявлении компонентов правосознания, игнорирующее их взаимодействие и взаимовлияние, должно быть преодолено благодаря обогащению методологического аппарата и правильной постановке исследовательских вопросов. Возможным направлением переосмысления концепции правосознания может стать обращение к наследию тех юристов, которые непосредственно обращались к проблемам правосознания. Не теряющие актуальности выводы и разнообразнейшие подходы к политико-правовой проблематике, в том числе и к вопросам

⁵⁶ Там же. С. 361.

⁵⁷ Там же. С. 362.

⁵⁸ Там же. С. 377.

⁵⁹ Там же. С. 378.

правосознания, отличают исследования И. А. Ильина, которые могут стать основой для дальнейших разработок учения о правосознании.

Правосознание для И. А. Ильина является осмыслением не только и не столько права, сколько жизни общества вообще. Именно поэтому модель нормального правосознания включает в себя как положительное и естественное право, так и вопросы о сущности и форме государства и аксиомы власти. Видя в государстве и праве не только материальное, но и духовное измерение, И. А. Ильин подчеркивает первостепенность человеческого духа. Именно дух-цель и опосредует любое человеческое взаимодействие, которое в правовой сфере не может не соотноситься с аксиомами – законами собственного достоинства, автономии и взаимного признания.

Модель нормального правосознания требует для своей реализации постоянной активной работы человеческого духа, нацеленной на признание и принятие объективно значащих правил внешнего социального поведения. В такой модели возможны и дефекты, связанные с искажением как каждой конкретной аксиомы правосознания, так и их сочетаний. Взаимообусловленность и взаимозависимость аксиом приводят не только к нормальному, здоровому правосознанию, но и к правосознанию дугующему. Но человеческий дух динамичен и его постоянное развитие позволяет И. А. Ильину завершить свою работу следующими словами: «...новое правосознание, покоящееся на любви к духу и на воле к безусловному благу, ... уже зарождается и зародилось, и задача всего человечества в том, чтобы не угасить вспыхнувшего огня, но поддержать его драгоценное пламя и зажечь им сердца»⁶⁰.

⁶⁰ Ильин И. А. Указ. соч. С. 414.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

*Гудилина Е. Н., аспирант
E-mail: ek.gudilina@gmail.com*

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

*Gudilina E. N., Post-graduate Student
E-mail: ek.gudilina@gmail.com*